

ФИЛОСОФИЯ
В СИСТЕМАТИЧЕСКОМ
ИЗЛОЖЕНИИ

ТЕРРИТОРИЯ БУДУЩЕГО

Коллектив авторов

**Философия в систематическом
изложении (сборник)**

«Территория будущего»

Коллектив авторов

Философия в систематическом изложении (сборник) / Коллектив авторов — «Территория будущего»,

Данное издание представляет собой сборник избранных работ зарубежных мыслителей, ученых о философии, связи философии с другими науками, задачах философии, ее сущности.

Содержание

I	5
Вильгельм Дильтей	5
Введение	5
А. Исторический метод определения сущности философии	9
I. Первые определения общего соотношения вещей	9
II. Историческое выведение черт, составляющих сущность философии, из общей связи систем	9
III. Промежуточные члены между философией и религиозностью, литературой и поэзией	21
Б. Сущность философии с точки зрения положения философии в духовном мире	24
I. Место функции философии в связи душевной жизни, общества и истории	25
II. Учение о мирозерцании. Религия и поэзия в их отношениях к философии	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

**Вильгельм Дильтей, Алоиз Риль,
Вильгельм Вундт, В. Ф. Оствальд, Герман
Эббингауз, Рудольф Эйкен, Фридрих
Паульсен, В. Мюнх, Теодор Липпс
Философия в систематическом изложении**

**I
ОБЩЕЕ ВВЕДЕНИЕ**

**Вильгельм Дильтей
СУЩНОСТЬ ФИЛОСОФИИ**

Введение

Мы привыкли охватывать одним общим понятием философии известные духовные произведения, возникающие на протяжении истории в большом числе у различных народов. Выразив абстрактной формулой все то, что является общим в отдельных фактах, именуемых в общежитии философией или философскими, мы получим понятие философии. Высшее совершенство понятия будет достигнуто, если сущность философии найдет в нем свое адекватное выражение. Такое понятие о сущности выражало бы и тот общий закон образования, который наблюдается при возникновении каждой отдельной философской системы, и из него же выяснились бы и родственные черты, существующие между подчиненными ему отдельными фактами.

Решение этой идеальной задачи возможно лишь в том предположении, что то, что мы называем философией или философским, действительно находится в такой зависимости между собой, т. е. что во всех отдельных случаях действует один закон образования и что вся область этого наименования объединена внутренней связью. Поскольку мы говорим о сущности философии, мы уже делаем это допущение. Под названием философии мы тогда разумеем общий предмет, за отдельными фактами мы предполагаем духовную связь в виде единого и необходимого основания отдельных опытных фактов философии или в виде правила их изменения и принципа, упорядочивающего их многообразие.

Может ли быть речь о сущности философии в этом точном значении слова? Это отнюдь не само собою понятно. Название «философия» или «философское» имеет такие различные значения, в зависимости от времени и места, и так многоотличны духовные образования, обозначающиеся их авторами этим именем, что можно думать, что в различные времена прекрасное, придуманное греками, слово «философия» применялось к различным духовным образованиям. Дело в том, что одни понимают под философией основоположение отдельных наук; другие расширяют это понятие философии, присовокупляя к понятию об основоположении отдельных наук еще и задачу нахождения при ее помощи связи между отдельными науками; третьи сужают понятие философии до простой связи между отдельными науками; далее, философия определяется как гуманитарная наука, как наука внутреннего опыта; наконец, под ней

еще разумеют соглашение, касающееся образа жизни, или науку об общеобязательных ценностях. Где же внутренняя связь, объединяющая столь различные оттенки понятия философии, столь различные представления о ней, где единая сущность философии? Если она не может быть найдена, то мы, очевидно, будем иметь дело лишь с различными проявлениями, выступавшими при изменяющихся исторических условиях как потребность культуры и лишь внешне, благодаря исторически случайному наименованию, оказавшимися связанными общим названием, – мы будем иметь философию, но не будет философии. Тогда и история философии не будет иметь никакого внутренне необходимого единства. Каждый из ее историков будет в нее вкладывать различное содержание и придавать ей различные размеры в зависимости от того понятия философии, которое он себе выработает в общей связи своих философских систем. Один будет излагать эту историю как поступательное движение по пути все более и более глубокого обоснования отдельных наук, другой – как увеличивающееся самоуразумение духа, третий, наконец, – как растущее научное соглашение относительно жизненного опыта или жизненных ценностей. Чтобы решить, в какой мере можно говорить о сущности философии, мы должны обратиться от определений этого понятия у отдельных философов к историческим данным самой философии: в них заключается материал, необходимый для понимания того, что такое философия. Результаты этого индуктивного исследования могут быть затем глубже поняты в их законосообразности.

Спрашивается теперь, по какому методу может быть решена задача определения сущности философии из ее исторических данных? Вопрос сводится к более общей методологической проблеме гуманитарных наук. Субъектами всякого высказывания в последних являются социально между собою связанные индивидуальные единицы. Таковы прежде всего отдельные личности. Движения, слова, действия – таковы их проявления. Задача гуманитарных наук сводится к тому, чтобы их заново пережить и понять. Душевная связь, выражающаяся в этих проявлениях, позволяет отыскать в них нечто типически возвращающееся и показать, как отдельные жизненные моменты складываются в жизненные фазисы и в конечном счете в связь жизненного единства. Но индивидуумы существуют не изолированно, а связаны между собой отношениями семьи, более сложных союзов, нации, века и, наконец, самого человечества. Целесообразность, наблюдаемая в этих единичных организациях, создает возможность типичных воззрений в гуманитарных науках. Ни одно понятие не исчерпывает, однако, содержания этих индивидуальных единиц: многообразие данного в них может быть только изжито, понято и описано. Их претворение в исторические процессы также остается единственным в своем роде и мыслью исчерпано быть не может. Формации и обобщения единичного между тем отнюдь не произвольны. Между ними нет ни одной, которая не являлась бы выражением пережитого единства структуры индивидуальной и общественной жизни. Нет ни одного рассказа хотя бы о самом простом факте, который вместе с тем не стремился бы сделать его понятным при помощи подчинения его общим представлениям или понятиям о психических проявлениях; нет ни одного рассказа, который не связывал бы обособленное, попадающее в сферу восприятий на основании доступных ему общих представлений или понятий, как то позволяет ему личное переживание; и нет, наконец, ни одного, который, выбирая и связывая, не стремился бы объединять единицы в одно значительное целое, осмысленное на основании достижимого опыта относительно жизненных ценностей, побудительных ценностей и целей. В гуманитарно-научном методе заключается постоянное взаимодействие переживания и понятия. В переживании индивидуальных и коллективных связей гуманитарно-научные понятия находят свое воплощение, подобно тому как, с другой стороны, непосредственное повторное переживание само возвышается до степени научного познания при посредстве общих форм мышления. Когда обе эти функции гуманитарно-научного сознания покрывают друг друга, тогда мы познаем то, что является существенным в человеческом развитии. В этом сознании не должно быть ни одного понятия, которое не оформилось бы в полноте исторического

переживания, оно не должно также заключать ничего общего, что не являлось бы существенным выражением исторической реальности. Нации, века, исторические ряды развития – во всех этих формациях не господствует свободный произвол: связанные необходимостью переживания, мы постоянно стремимся отыскать в них то, что составляет сущность людей и народов. Поэтому рассматривать образование понятий как вспомогательное средство изложения единичного значит совершенно не понимать того интереса, которым преисполнен мыслящий человек к историческому миру: минуя отражение и стилизацию фактического и единичного, мышление стремится познать существенное и необходимое; оно стремится постигнуть структурную связь между индивидуальной и общественной жизнью, ибо мы лишь постольку приобретаем власть над жизнью общественной, поскольку мы постигаем и используем моменты закономерности и связи. Логической формой выражения подобных закономерностей являются положения, в которых субъекты будут столь же общими, как и предикаты.

К числу разнообразных общих понятий субъекта, служащих этой цели в гуманитарных науках, принадлежат также понятия философии, искусства, религии, права, хозяйства. Их характер обуславливается тем, что они не только выражают соотношение вещей, повторяющееся в множественности субъектов, т. е. нечто однообразное, общее, но и внутреннюю взаимную связь, в которую вступают различные лица благодаря этому. Так, например, слово «религия» обозначает не только общую наличность данных, скажем, живое отношение душевного уклада к невидимым силам, – оно указывает вместе с тем и на общинную связь, в которую объединены индивиды в целях религиозных и в рамках которой каждый из них занимает дифференцированное место на предмет религиозных отправлений. Поэтому факты в тех индивидах, которым приписывается религия, философия или искусство, обладают двойным свойством: они подчинены общему как частное, как отдельные случаи – правилу, и вместе с тем они как части объединены между собой в одно целое согласно этому правилу. Причина этого выяснится нам впоследствии, при вскрытии двоякого направления психологического образования понятий.

Функции этих общепонятий в гуманитарных науках весьма значительны. Дело в том, что в последних, как и в науках естественных, возможно установить закономерность лишь благодаря тому, что мы из сложно запутанной ткани, каким представляется человеческий социально-исторический мир, извлекаем отдельные сочетания, на которых могут быть вскрыты и обнаружены их единообразие, внутреннее строение и развитие. Анализ эмпирически данной сложной действительности является первым шагом к великим открытиям и в гуманитарных науках. Решению этой задачи помогают общие представления, в которых подобные сочетания, характеризующиеся при каждом повторении общими чертами, уже обособлены, извлечены из сложной действительности и поставлены рядом. В зависимости от того, насколько правильно проведены данные разграничения при помощи общих представлений, возникающие таким путем общие субъекты высказываний могут быть носителями замкнутого в себе строя плодотворных истин. И уже на этой ступени вырабатываются для выраженного в этих общих представлениях такие названия, как религия, искусство, философия, наука, хозяйство, право.

Научное мышление опирается на заключающийся в этих общих представлениях схематизм. Но правильность последнего должна быть, однако, ею предварительно подвергнута проверке. Дело в том, что гуманитарным наукам опасно принимать на веру эти общие представления, ибо и нахождение единообразия и расчленение зависят от того, действительно ли они являются выражением единообразного соотношения вещей. Таким образом, цель образования понятия в этой области сводится к нахождению сущности предмета, которая была, впрочем, главным определяющим моментом и в образовании общего представления и названия, дабы, исходя из найденной сущности, исправить и возвысить к однозначимой определенности расплывчатое и, может быть, даже ошибочное общее представление. Такова, стало быть, и та задача, которую мы себе ставим по отношению к понятию и сущности философии.

Здесь пред нами возникает вопрос: как точнее определить метод, при помощи которого возможен уверенный переход от общего представления и наименования к сущности предмета? Образование понятия попадает как бы в круг. Понятие философии, как и понятия искусства, религиозности или права, может быть найдено нами лишь тогда, когда мы из данных, образующих философию, извлечем взаимоотношения тех признаков, которые и конструируют понятие. При этом предполагается, что уже решен вопрос о том, какие психические данные относятся к философии. Между тем такое решение может быть вынесено мышлением лишь в том случае, когда оно уже обладает признаками, достаточными для установления характера философии в данных фактах. Таким образом, оказывается, что, приступая к образованию этого понятия из фактов, мы уже должны знать, что такое философия.

Правда, вопрос о методе был бы немедленно разрешен, если бы эти понятия могли быть выведены из более общих истин: выводы из отдельных фактов служили бы тогда простыми дополнениями. Таково действительно было мнение многих философов, в особенности в немецкой спекулятивной школе. Но до тех пор, пока философы не придут к соглашению относительно общеобязательного вывода или не добьются общего признания за интуицией, мы необходимо должны будем держаться лишь тех выводов, которые, исходя из наличности данных, пытаются по эмпирическому методу найти единое соотношение вещей, генетическую закономерность, проявляющуюся в феноменах философии. Подобный метод должен исходить из той предпосылки, что за обозначением, которое он находит, действительно кроется единомыренная сущность, так что мышление, исходя из круга явлений, обозначаемых философией или философскими, не протекает совершенно бесплодно. Правильность этой предпосылки должна быть проверена исследованием. Из фактов, обозначенных именем философии или философских, мы получаем понятие сущности философии, но это понятие должно затем дать нам возможность объяснить применение этого имени к этим же фактам. Но дело в том, что в сфере таких понятий, как философия, религия, искусство, наука, везде даны две исходные точки: сродство отдельных фактов и связь, в которую они же объединены между собою. И подобно тому, как при дифференциации методов используется особая природа каждого из этих общих понятий субъекта, так и в нашем случае своеобразная благоприятность положения заключается в том, что философия рано сама возвысилась до сознания своего назначения. Таким образом, существует много разнообразных попыток определить понятие тем путем, какой предудказан нашим методом; все они являются выражением того, что философы под влиянием данного культурного уровня и своей собственной системы понимали под философией. Поэтому все эти определения являются сжатым изложением того, что является характерным для исторической формы философии: они позволяют нам заглянуть во внутреннюю диалектику, по которой философия прошла все возможные позиции в общей связи культуры. Каждая из этих возможностей должна быть использована при определении понятия философии.

Круг, лежащий в основе метода определения понятия философии, неизбежен. И действительно, существует большая неуверенность относительно границ, в рамках которых системы могут быть названы философией, а труды философскими. Эта неуверенность может быть устранена лишь тогда, когда мы установим прочные, хотя и неполные определения философии и затем, исходя из них, при помощи новых приемов получим новые определения, которые постепенно исчерпают содержание понятия философии. Итак, наш метод сведется, стало быть, к тому, что мы при помощи отдельных приемов, из которых каждый в отдельности не обеспечивает нам общеобязательного и полного решения задачи, будем шаг за шагом все точнее и точнее ограничивать черты сущности философии и все точнее описывать сферу входящих в нее явлений, чтобы затем из жизненности самой философии вывести заключение, почему все еще остаются пограничные области, не допускающие безукоризненного установления объема философии. Сначала мы должны попытаться установить общие моменты в тех системах, при мысли о которых у каждого человека возникает общее представление философии. Затем мы

сможем воспользоваться другой стороной понятия – принадлежностью систем к одной цепи, чтобы исследовать полученный результат и дополнить его углубленным проникновением в него. Таким образом мы получим основание, на котором мы исследуем отношение полученных нами черт, составляющих сущность философии, к связи структуры индивида и общества, поймем философию как живую функцию в индивиде и обществе и свяжем все эти черты в одно понятие сущности философии; с его точки зрения, мы затем поймем отношение отдельных систем к функции философии, распределим по местам систематические понятия о философии и яснее определим текущие границы ее пределов. Таков путь, который нам предстоит пройти.

А. Исторический метод определения сущности философии

I. Первые определения общего соотношения вещей

Существуют философские системы, особенно сильно запечатлевшиеся в сознании человечества, к которым всегда обращались, чтобы ориентироваться в том, что такое философия. Демокрит, Платон, Аристотель, Декарт, Спиноза, Лейбниц, Локк, Юм, Кант, Фихте, Гегель, Конт создали системы подобного рода. Все они отмечены общими чертами, и мышление наше может отыскать в них масштаб для выяснения того, поскольку и другие системы могут быть включены в область философии. Прежде всего мы замечаем в них черты формального свойства. Независимо от предмета отдельных систем или их метода, все они в отличие от отдельных наук основываются на всей совокупности эмпирического сознания – жизни, опыте, опытных науках – и стремятся таким путем к решению своей задачи. Они носят характер универсальности. Этому соответствует стремление объединить разрозненное, создать связь и распространить ее, не считаясь с границами отдельных наук. Вторая формальная черта философии заключается в требовании общеобязательного знания. С этим связано стремление к такому углублению аргументации, пока не достигнут последний пункт в обосновании философии. Но пред углубляющимся для сравнения в классические системы философии скоро выплывает, сначала хотя бы и в туманных очертаниях, картина их объединенности и в смысле содержания. Собственные свидетельства философов о своем творчестве, заслуживающие быть собранными, показывают нам юность всех мыслителей, исполненную борьбы с загадкой жизни и мира, их отношение к мировой проблеме характерно проявляется в системе каждого из них, формальные же свойства философов свидетельствуют о тайной их связи с интимнейшим стремлением к укреплению и развитию личности, к утверждению суверенитета духа и об интеллектуальной природе, которая стремится все поступки возвысить до сознания и не желает ничего оставить в темноте простого отношения, не ведающего, что творится вокруг.

II. Историческое выведение черт, составляющих сущность философии, из общей связи систем

Теперь пред нами открывается метод, при помощи которого мы можем глубже заглянуть во внутреннюю связь этих черт, объяснить себе разницу в определениях понятия философии, отвести каждой из этих формул ее историческое место и, наконец, точнее определить объем понятия.

В понятии философии заключен не только общий момент, но и связь ее – историческая преемственность. Взор философов направлен прежде всего на мировую и жизненную загадку, отсюда вытекают и понятия, которые они образуют о философии; всякая позиция, которую занимает философский дух, сводится к этой основной проблеме; всякий живой философский труд возникает в этой непрерывности; прошлое философии сказывается в каждом отдельном мыслителе, так что, когда он даже отчаивается в решении великой загадки, его новая позиция

все же определяется этим прошлым. Таким образом, все позиции философского сознания и все определения понятия философии, в которых находят себе выражение эти позиции, образуют одну историческую цепь.

1. Возникновение названия в Греции и что там обозначалось этим названием

Глубокомысленный и яркий синтез религиозности, искусства и философии, проникавший жизнь Востока, распался у греков на дифференцированные проявления этих трех форм человеческого творчества. Ясный и радостный дух греков освободил философию от религиозной связанности и от ясновидящей символики поэтических творений, родственных философии или религиозности. Их пластическая сила созерцания благоприятствовала выделению и выработке различных родов духовного творчества. Так у греков одновременно возникли философия, ее понятие и выражение *φιλοσοφία*. *Σοφός* Геродот называет всякого выделяющегося высшей духовной деятельностью. Название *σοφιστής* он применяет к Сократу, Пифагору и другим старейшим философам, а Ксенофонт обозначает им натурфилософов. Сложное слово *φιλοσοφεύς* означает в эпоху Геродота и Фукидида в общежитии любовь к мудрости и искание ее. В это слово грек вкладывает искание истины ради самой истины – искание ценности независимо от практического ее применения. Так, у Геродота Крез обращается к Солону в известном типичном противопоставлении восточного властолюбия новому греческому *Ethos*: он-де слышал, что Солон прошел многие страны *φιλοσοφῶν Θηωρίης εἵνεχεν* (объяснение слова «философствуя»). То же выражение употребляет и Фукидид в надгробной речи над Периклом, желая нарисовать основную черту афинского духа того времени. В техническое выражение определенного круга духовных занятий слово «философия» превращается позже, в сократовской школе. Предание, приписывающее это Пифагору, приписывает ему, вероятно, то, что принадлежит Сократу – Платону. В сократо-платоновской школе понятие философии обладает характерной двусторонностью.

Философия, согласно Сократу, есть не мудрость, а любовь к мудрости и искание ее, ибо самое мудрость боги сохранили за собой. Критическое сознание, которое в лице Сократа и еще глубже – в лице Платона обосновывает знание, очерчивает вместе с тем и его границы. Согласно старым указаниям, особенно указаниям Гераклита, Платон первый возвысил сущность философствования до сознания. Исходя из опыта своего собственного философского гения, он рисует философский инстинкт и процесс его развития в философское знание. Всякая великая жизнь вытекает из восторга, заложенного в высшей природе человека. А так как мы запутаны в мире чувств, то эта высшая природа сказывается в бесконечной тоске. Философский Эрос переходит от любви к красивым образам через ряд различных ступеней до знания идей. Но и на этой высшей ступени наше знание остается гипотезой, предметом ее являются неизменные сущности, реализованные в действительности, но никогда ей не дано постигнуть причинной связи, простирающейся от высшего Добра к отдельным вещам, в которых мы созерцаем Вечное. В этой великой тоске, которую никогда не может успокоить наше знание, и лежала исходная точка внутреннего взаимоотношения между философией и религиозностью, живущей в полноте Божественного.

Второй момент, который содержится в философии согласно сократо-платоновскому понятию о ней, характеризует ее положительную сторону. Выяснение этого момента имело еще более общее влияние. Философия означает стремление к знанию, в его строжайшей форме – науке. Впервые подчеркиваются требования, предъявляемые ко всякому знанию: всеобщность, определенность, сведение к законным основаниям всех допущений. Нужно было положить конец беспокойной мечтательной игре метафизических гипотез, равно как скептицизму просвещения. Как у Сократа, так и в первых диалогах Платона философское сознание простирается на знание во всем его объеме, причем оно сознательно противопоставляется знанию, ограниченному познанием действительности. Оно охватывает также и определение цен-

ностей, правил и целей. В этом понимании скрыто поразительное глубокомыслие: философия – это рассудительность, возвышающая все человеческие действия до сознания, а именно на ступень общеобязательного знания. Она – самоуразумение духа в форме мышления в понятиях. Действия воина, государственного деятеля, поэта или жреца могут найти свое завершение лишь тогда, когда практикой управляет знание этих действий. Так как всякое действие нуждается в определении цели, а последняя цель лежит в эвдемонии, то знание об эвдемонии, заложенных в ней целях и средствах – самое сильное в нас, и никакая сила темных инстинктов и страстей не может проложить себе дорогу, если знание нам показывает, что эти темные силы мешают эвдемонии. Таким образом, только господство знания может возвысить индивидуум к свободе и общество – к свойственной ему эвдемонии. На основании этого сократовского понятия философии сократовские диалоги Платона производят анализ жизненных проблем. И именно потому, что жизнь с ее стремлением к эвдемонии, с ее господством добродетелей, в которых реализуется последняя, не могла быть возвышена до общеобязательного знания, эти диалоги и должны были закончиться отрицательно. Раздвоение в рамках сократовской школы оказалось неразрешимым; в лице Сократа «Апология» Платона правильно и глубокомысленно подмечает и то, и другое: как он приступает к разрешению задачи общеобязательности знания и как он в результате все же приходит к незнанию. Это понятие философии, согласно которому философия стремится поднять на уровень знания бытие, ценности, цели добродетели и имеет, таким образом, предметом своего знания истинное, прекрасное и хорошее, – это понятие, говорим мы, было первым плодом размышлений философии о самой себе; его дальнейшее влияние неизмеримо, оно содержит основное ядро истинного понятия сущности философии.

Следы влияния сократо-платоновского понятия философии мы наблюдаем и в разделении философии у Аристотеля. Философия распадается у него на теоретическую, поэтическую и практическую науки: теоретической она является тогда, когда целью и принципом ее служит познание; поэтической – когда принцип ее кроется в художественной способности, а цель – в имеющем быть созданным творении; практической, наконец, – тогда когда принципом ее является воля, а целью – действие как таковое. При этом поэтическая наука охватывает не только теорию искусства, но и всякое техническое знание, цель которого не в энергии личности, а в создании внешнего произведения.

Аристотель, однако, в действительности не расчленил своей философии по этому распределению, основанному на Платоне. У него выступает несколько видоизмененное понятие ее. Философия уже больше – не развитие личности и человеческого общества при посредстве знания, она ищет знания ради него самого: философское отношение характеризуется согласно этому теоретической сознательностью. Подобно тому как изменчивая, но разумная действительность обоснована в неперменном и блаженном мышлении божества, не имеющем никакой цели и никакого объекта вне себя, так и высшая функция высшей из изменчивых действительностей, человеческого разума, достигается в чисто теоретическом отношении, как совершеннейшем и наиболее счастливым для человека. Такова, по его мнению, философия, ибо она обосновывает и охватывает все науки. Она создает теорию знания как основу всякого научного труда, ее центральный пункт – универсальная наука бытия: это была первая философия, для которой в школе выработалось выражение «метафизика»; на выработанном в этой первой философии телеологическом миропонимании основывается связь между науками, которая, начинаясь с познания природы и проходя через учение о человеке, простирается до определения последних целей индивидуума и общества. Новый аристотелевский принцип причинно действующей цели открывает отныне возможность подчинить мышлению и изменчивое в эмпирически данной действительности. Так возникает новое понятие философии: в качестве единства наук она изображает в понятиях объективную связь действительности – связь, простирающуюся от познания Бога до познания целеустановления в человеке.

Этому подчинению отдельных наук философии соответствовала и организация философских школ в Греции. Эти школы были не только средоточиями прений о принципах, но и очагами позитивного исследования. На протяжении нескольких поколений в этих школах успел сконструироваться целый ряд естественных и гуманитарных наук. Существуют основания, позволяющие допустить, что еще до Платона пифагорейцы и ученики старейших мыслителей были связаны с последними и между собой известным порядком и постоянством общей работы. В ясном свете достоверной истории пред нами встают Академия и школа перипатетиков в качестве правоупорядоченных союзов, в которых отдельные науки объединены единством философской основной мысли, а страсть чистого познания истины придает жизнь всякой позитивной работе и отводит ее в круг целого, являя собой недостижимый образец творческой мощи подобной организации. Школа Платона была одно время средоточием математических и астрономических исследований, но наиболее могучий научный труд, когда-либо исполненный на протяжении столь ограниченного времени и в одном месте, был выполнен кооперацией, группировавшейся вокруг Аристотеля. Основные идеи телеологического строения и эволюции, методы описания, расчленения и метод сравнительный привели в этой школе к созданию описательных и расчленительных естественных наук, а также к образованию политики и учения об искусстве.

В этой организации философских школ греческое понятие философии как универсальной науки нашло свое высшее выражение. Произошло это благодаря упрочению той стороны сущности философии, в силу которой общие задачи связывают занимающихся философией и побуждают их к общим проявлениям. Ибо вообще всегда, когда одно и то же содержание цели возвращается в известном числе лиц, оно связывает индивидуумов между собой. К этому еще присовокупляется специальное связующее начало философии, заключающееся в стремлении к всеобщности и общеобязательности.

Единообразное руководство научным трудом, достигшее своего высшего развития в школе Аристотеля, распалось так же, как и Империя Александра Великого. Отдельные науки, развиваясь, достигли самостоятельности. Связь между ними порвалась. Преемники Александра основали вне философских школ учреждения, в которых происходили занятия отдельными специальными науками. Таков был первый момент, внесший изменения в положение философии. Отдельные науки постепенно завладели всей областью действительности, причем этот процесс, возобновившийся за последнее время, еще и ныне не достиг своего завершения. Как только какой-нибудь круг научного исследования достигал зрелости в философии, он немедленно эмансипировался от союза с ней. Так обстояло вначале дело с науками естественными; в последнее время процесс дифференциации пошел дальше: со времени Гуго Гроция самостоятельности добилась общая наука о праве, со времени Монтескье датируется самостоятельность сравнительного государствоведения. В настоящее время среди психологов замечается стремление эмансипировать свою науку, и если принять во внимание, как тесно сплетены науки о религии и искусстве, педагогика, науки социальные – с изучением исторических фактов и психологии, то и их отношение к философии станет весьма сомнительным. Это непрерывно увеличивающееся перемещение соотношения сил в рамках знания ставило как бы извне философию пред задачей новых отграничений в своей области. Но и в ее внутреннем развитии содержались моменты, которые оказывали еще большее влияние в этом же направлении.

Дело в том, что только совместному влиянию указанного внешнего фактора и изнутри действующих сил философия обязана теми изменениями в своем положении, которые, начиная от появления скептиков, эпикурейцев и стоиков, развивались до писательской деятельности Цицерона, Лукреция, Сенеки, Эпиктета и Марка Аврелия. Отныне в рамках нового соотношения сил в области знания замечаются крушение метафизического миропознания, распространение скептицизма и характерный для стареющих наций поворот к внутреннему самоуглублению: начинается развитие философии жизни. В последней мы сталкиваемся с

таким положением философского духа, которому отныне суждено иметь величайшее значение навсегда. Проблема великих систем еще ставится во всем ее объеме. Но требования обязательных решений становятся все слабее. Центр тяжести в рамках отдельных задач становится иной; проблема о мировой связи подчиняется проблеме ценности и цели жизни; в лице римско-стоической системы, одной из наиболее влиятельных, какие когда-либо создавал мир, на первый план выступает способность философии образовывать личность. Изменяются также и структура философии, порядок и отношение ее частей. Этим изменениям в положении философии соответствует появление новых определений понятия философии. Согласно Цицерону, философия является «учительницей жизни, изобретательницей законов, побудительницей ко всяческой добродетели», а Сенека определяет философию как теорию и искусство правильного образа жизни. Это предполагает, что она не просто теория, а законодательница жизни, и поэтому охотно пользуются для ее обозначения выражением «мудрость». Но, возвращаясь от нового понятия философии к новому ее положению, выражением которого оно является, мы тотчас же заметим, что развитие ее из великих метафизических систем совершилось вполне плавно и непрерывно и что ее проблема выступает при новых только условиях.

Вслед за этим философия на протяжении длинного ряда столетий, по мере того как тяготение к неисследованным глубинам сущности вещей вело стареющийся мир к религии, потянула, подпав в подчинение религии, свою истинную сущность. Положение, которое она отныне заняла к задаче всеобщего универсального познания, и понятия о ней, возникшие на этом пути, не лежат по линии чистого развития ее сущности; в теории о промежуточных звеньях между философией и религией мы будем иметь возможность коснуться этого подробно.

2. Формы философии новейшего времени, как они выражены в понятиях о ней

После эпохи Возрождения, когда над всей культурой господствовали светское искусство, литература и родственная ей свободная философия жизни; когда, наконец, определенно сконструировались науки естественные, а науки об обществе впервые приняли характер проникнутого единой идеей звена в общей естественной системе; когда, таким образом, опытные науки начали осуществлять познание вселенной по своим методам, – тогда, в XVII веке, намечается новое соотношение сил духовной культуры. Мужественная жажда общеобязательного знания и преобразования мира при его помощи проникает все передовые народы, она же объединяет и отдельные науки с философией: они выступают в самом резком антагонизме к религиозности и далеко опережают искусство, литературу и философию жизни; этим объясняется то, что стремление к объективному миропознанию наряду с характером общеобязательности, которым отмечены были великие системы Древнего мира, проводится при новых условиях еще более сознательно и методично. Так изменились и характер, и понятие метафизики. Через горнило сомнения она развилась из наивного отношения к миру в сознательное отношение мышления к миру; отныне она отмежевывается от отдельных наук сознанием своего особого метода. И теперь, как и раньше, она усматривает предмет своих исследований в бытии – обстоятельстве, с которым мы не встречаемся ни в одной из отдельных наук. Но методическое требование строгой общеобязательности и все развивающееся уразумение метафизического метода – таков отличительный момент ее нового развития. Требование строгой всеобщности роднит ее с математическими, естественными науками, между тем как методический характер универсальности и последнего обоснования отделяет ее от них. Нам следует поэтому установить соответствующий этому новому методическому сознанию прием.

а) *Новое понятие метафизики.* Немедленно после основания механики Декарт приступил к использованию своего нового конструктивного метода в целях определения сущности философии. Первый признак этого метода, в его противопоставлении отдельным наукам, заключался в самой общей формулировке проблемы и в возврате от первоначальных допущений

последней к верховному принципу. В этом пункте он (метод) выразил лишь более совершенно, чем какая бы то ни было система до него, черты, заключающиеся в сущности философии. Но гениальная особенность метода заключалась в оперировании им. Математические, естественные науки содержат допущения, которые лежат по ту сторону отдельных областей математики, механики или астрономии. Изложив последние в ряде очевидных понятий и положений и поняв законное основание их объективной общеобязательности, мы можем построить на них конструктивный прием: и только это придает механическому исследованию уверенность и возможность дальнейшего распространения. Декарт опирался на это обстоятельство против Галилея, и в нем он усматривал момент превосходства философа над физиком. Тем же конструктивным приемом пользовались затем Гоббс и Спиноза. Именно из применения этого метода к действительности (данные свойства последней он, Спиноза, при этом, понятно, всюду предполагает) вытекает новая пантеистическая система тождества духа и природы у Спинозы: она – не что иное, как интерпретация данной в опыте действительности на основании простых очевидных истин; этой метафизикой тождества обосновывается и учение о причинной связи душевных состояний, ведущей через рабство страстей к свободе. В проведении этого нового философского метода Лейбниц пошел дальше, чем кто бы то ни было до него. До самой своей смерти он был занят своим гигантским трудом – выработкой новой общей логики как основания конструктивного метода. Отграничение философии по признаку метода удержалось в метафизических системах с XVII века до сих пор.

Конструктивный метод этих мыслителей уступил затем место критике познания Локка, Юма и Канта, хотя многие из основных положений, выставленных Лейбницем в теории познания, были вполне поняты и оценены только в новейшее время. Заключение от очевидности простых понятий и положений к их объективной обязательности оказалось несостоятельным. Категории субстанции, причинности и цели были сведены к условиям воспринимающего сознания. Если уверенность математики гарантировала правильность этого конструктивного философского метода, то Кант в созерцании показал различительные основания математической очевидности. И в науках гуманитарных конструктивного метода, как он применялся в праве и в естественной теологии, оказалось недостаточно, чтобы охватить все многообразие исторического мира в мышлении и в политических актах. Оставалось если не совсем отказаться от всякого особого для метафизики метода, то заново его преобразовать. И вот Кант, который разрушил конструктивный метод в философии, открыл и средство такого преобразования. Своеобразие критического труда всей своей жизни он усматривал в методе, который он назвал трансцендентальным. В основание здания, которое он полагал соорудить этими средствами, должны были лечь найденные, таким путем, истины, и в этом смысле он сохранил название метафизики. Он проник также и в новый ее принцип содержания, на котором построили метафизику Шеллинг, Шлейермахер, Гегель, Шопенгауэр, Фехнер и Лотце.

Внешний мир, согласно великой мысли новой, построенной на теории познания философии Локка, Юма и Канта, существует для нас лишь как внешний феномен; реальность дана (по мнению английских мыслителей – непосредственно, по Канту – при известных условиях сознания) в фактах сознания; эта реальность – и это-то и составляет отличительно новое в точке зрения Канта – есть душевная связь, и к ней-то и сводится всякая связь во внешней действительности. Простые понятия и положения, положенные в основание конструктивной философией, являются, таким образом, изолированными рассудком и сформулированными элементами этой связи. Новая немецкая метафизика исходила из этой концепции Канта, поэтому немецкие метафизики – от Шеллинга до Шопенгауэра – с ненавистью и презрением смотрят на рефлексии и разум, оперирующие этими абстрактными элементами живого: субстанциями, причинными отношениями, целями. При помощи своего нового метода, исходившего из душевной связи, они сумели вывести из тупика и гуманитарные науки, которые от оперирования теми отвлеченными понятиями стали водянисты и тривиальны. И это допущение

душевной связи претворило понятие эволюции, подмеченной опытом во вселенной, в плодотворный взгляд о развитии вообще. Это была последняя и совершеннейшая попытка развить, собственно, философский метод. Попытка гигантских размеров, но и она должна была потерпеть крушение. Правда, в сознании дана возможность охватить связь мира. Формальные операции, при помощи которых сознание достигает этого, по крайней мере обладают характером необходимости. Но дело в том, что и этот метафизический метод не создает того моста, который ведет от необходимости как факта нашего сознания к объективной обязательности, и напрасны его попытки найти путь, ведущий от связи сознания к убеждению, что в сознании нам дана внутренняя связующая нить самой действительности.

Так были в Германии один за другим испробованы всевозможные метафизические методы и все с тем же отрицательным результатом. Среди них боролись за свое господство в XIX столетии, собственно говоря, два метода. Шеллинг, Шлейермахер, Гегель, Шопенгауэр исходили из связи сознания, и каждый из них открывал по-своему принцип вселенной именно с этой точки зрения. Лотце и Фехнер, опираясь на основания, заложенные Гербартом, исходили из данного в сознании как воплощения опыта и пытались доказать, что свободное от противоречий познание этого данного возможно лишь при помощи сведения данного чувственного мира к духовным фактам и процессам. Первые исходили от Канта и Фихте, которые стремились поднять философию на уровень общеобязательной науки. Вторые вернулись к Лейбницу, для которого объяснение мира – только хорошо обоснованная гипотеза. Наиболее мощные мыслители первого течения, Шеллинг и Гегель, взяли своей исходной точкой положение Фихте, что проявляющаяся в эмпирическом «я» общеобязательная связь сознания порождает связь вселенной. Уже это положение было ложной интерпретацией данных сознания; своей же попыткой превратить ими допущенную связь в сознании, являющуюся условием отражения мира в сознании, в связь всей вселенной, а чистое «я» – в мировое начало они удалились за пределы опытного. В беспокойной диалектике, от интеллектуального созерцания Фихте и Шеллинга до диалектического метода Гегеля, они тщетно искали способ доказать тождество логической связи с природой вещей, тождество связи в сознании со связью во вселенной. И в особенности убийственно было противоречие между объективной мировой связью, найденной ими, и порядком явлений по законам, установленным науками опытными. Второе же направление, вождями которого были Лотце и Фехнер, стоявшие на точке зрения Гербарта, и которое стремилось при помощи гипотезы духовной связи плавно охватить данное познанием в понятиях, стало жертвой не менее разрушительной внутренней диалектики. По пути от многообразия данного в опыте к источникам всех вещей через понятия, не имеющие себе никакого подтверждения ни в каком созерцании, они пришли к мраку, в котором измышляющее глубокомыслие с одинаковым успехом могло находить как реальное, так и монады, как временное, так и не временное всеобщее сознание, как и бессознательное. Они нагромождали одну над другой гипотезы, не имевшие прочного основания в неисследуемом, не подлежащем опыту, но и не встречавшие никакого противоречия. Один комплекс гипотез был так же возможен, как и другой. Ясное дело, что подобная метафизика не была в состоянии влить ясность и бодрость ни в жизнь отдельной личности, ни в жизнь общества в эпоху великих кризисов того столетия.

Так потерпела крушение последняя и грандиознейшая попытка человеческого духа найти, в отличие от метода наук опытных, метод философский, на котором могла бы быть основана метафизика. Глубже охватить опытный мир, познание которого составляет задачу отдельных наук, невозможно при помощи метафизического метода, отличного от их методов.

б) *Новые неметафизические определения сущности философии.* Внутренняя диалектика задачи выработки такого понятия философии, в котором было бы подчеркнуто ее самостоятельное значение, в противовес к отдельным наукам, ведет и к другим возможностям. Если не может быть найден метод, обеспечивающий метафизике ее право на существование наряду

с отдельными науками, то философии приходится искать новые пути для удовлетворения потребности духа в универсальности, в обоснованности, в постижении реальности. И в новой стадии исследования должна быть преодолена точка зрения скептицизма. Двигаясь ощупью, философия ищет такого отношения сознания к данному, которое удовлетворяло бы требованиям положения, созданного вновь возникшими опытными науками. И если не может быть найден метод, отводящий философии специально ей присущие предметы исследования вроде субстанции, Бога, души, из которых затем можно было бы выводить результаты отдельных наук, то остается возможность, исходя из предметного познания отдельных наук, искать их обоснования в теории познания.

Одна область неоспоримо принадлежит философии. Если отдельные науки распределили между собою царство данной действительности и каждая из них разрабатывает особую часть, то тем самым возникает новое царство: сами эти науки. Взор обращается от действительного к знанию о нем и встречается здесь с областью, лежащей по ту сторону отдельных наук. С тех пор, как это царство показалось на горизонте человеческого размышления, оно постоянно признавалось твердыней философии – это теория теорий, логика, теория познания. Если взять эту область во всем ее объеме, то философии должно быть отведено все учение об основании знания в области познания действительности, определения ценностей, установления и регулирования целей. Если, таким образом, ее предметом служит целокупность знания, то, естественно, в нее входят и отношения отдельных наук друг к другу, их внутренний порядок, по которому каждая новая наука вытекает из предыдущих и возводит здание входящих в ее область фактов. С такой гносеологической точки зрения, и в отдельных науках развивается принцип обоснования и связности. Его развитию способствует совместное занятие отдельными науками в университетах и академиях, и задача и значение философии в этих корпорациях сводятся к поддержанию этого духа. Классическим представителем этой гносеологической точки зрения в рамках опытных наук является Гельмгольц. Он обосновывал право философии на существование рядом с отдельными науками тем, что предмет ее – знание. Всегда философии останется нужное дело «исследования источников нашего знания и степени его обоснованности». «Великое значение философии в кругу наук состоит в том, что она является учением об источниках знания и его проявлениях в том смысле, какой этому придавали Кант и первоначально, поскольку я его понял, Фихте».

От того, что центр тяжести философии был перенесен в теорию познания, она все же не потеряла своей связи с основной своей проблемой. Именно критика намерения объективно познать мировую связь и мировое основание, высшую ценность и последнюю цель и породила теорию познания. Из тщетных метафизических попыток родилось исследование границ человеческого знания. К тому же на протяжении своего развития теория познания постепенно проникла в универсальнейшее отношение сознания к данному ему, которое тем самым является совершеннейшим выражением нашего отношения к мировой и жизненной загадке. Это та позиция, которую занимал еще Платон. Философия – это размышление духа над всеми своими отношениями, вплоть до последних своих предпосылок. Кант отвел философии то же место, которое отводил ей Платон. Широта его взгляда сказывается в том, что его критика и обоснование знания равномерно распространяются как на познание действительности, так и на суждение об эстетических ценностях, разбор телеологического принципа миропонимания и на общеобязательное обоснование нравственных правил. И подобно тому как всякая философская точка зрения стремится перейти от понимания действительности к установлению правил поведения, так и эта гносеологическая точка зрения, в лице своих величайших представителей, все время развивалась в сторону практического, реформаторского влияния философии и ее совершенствующих личность сил. Уже Кант объявляет школьным то понятие философии, по которому философия имеет своей целью логическое совершенство познания: «... существует еще одно мировое понятие философии, по которому она – наука об отношении всякого позна-

ния к существенным целям человеческого разума». Важно, говоря словами Канта, вскрыть связь между школьным понятием философии и понятием мировым, и современная неокантианская школа пошла навстречу этому требованию в целом ряде замечательных трудов.

Другое неметафизическое философское течение возникло в среде специальных исследователей. Оно ограничивается описанием феноменального мира при помощи понятий и доказательством закономерного порядка его, как он представляется нам при производстве экспериментов или при наступлении следствий, заранее предусмотренных теорией. Если теория познания исходит из позитивности результатов отдельных наук, если она не в состоянии обогатить их никакими новыми предметными познаниями и в рамках их обоснований не может открыть новых обоснований, то, рассуждают они, остается только держаться позитивного характера их результатов; постоянной же точкой, которой так ищет новое философское мышление, может служить практически столь пригодное самодовольство при понимании мира, отклоняющее всякие размышления об общеобязательности как неплодотворные. Если еще проследить длинные ряды умозаключений гносеологов, трудности, возникающие при образовании понятий в их области, споры разных гносеологических воззрений, то и это, со своей стороны, окажется довольно важным моментом в пользу такого нового направления в философии. Так философия переносит свой центр тяжести в сознание о логической связи наук. В этом своем новом положении философия как будто достигает предметного понимания мира, независимо от метафизических и гносеологических исследований. Если опытные науки занимаются исследованием отдельных частей или сторон действительности, то философии остается задача изучить внутреннее взаимоотношение отдельных наук, по которому они познают действительность как целое.

Философия превращается в энциклопедию наук в высшем, философском смысле. В последний период Древнего мира, начиная с того момента, как отдельные науки стали занимать самостоятельное место, уже возникали энциклопедии; их требовало школьное дело, кроме того, существовала потребность в инвентаре великих трудов Древнего мира, и (это особенно важно нам в данном случае) с тех пор, как нахлынули северные народы и на обломках западноримской империи стали отстраиваться германские и романские государства на почве античной культуры и пользуясь ее средствами, – с тех пор такие энциклопедические труды, начиная с Мартиана Капеллы, поддерживали, хотя и довольно тускло, античную мысль об отражении мира в науках. В трех больших трудах Винченца из Бовэ такое понятие энциклопедии было представлено наиболее совершенно. Современная философская энциклопедия возникла из беспрерывно продолжавшейся в Средние века инвентаризации знания. Автором основного труда по энциклопедии является канцлер Бэкон, и с тех пор энциклопедия сознательно ищет принципа внутреннего отношения наук между собою. Гоббс первый открыл его в естественном порядке наук, как он определен отношением, по которому одна наука предполагает другую. В связи с французской энциклопедией Даламбер и Тюрго разработали затем это понятие философии как науки универсальной. Стоя на этой почве, Кант изложил свою позитивную философию как систему внутренних отношений между науками по признаку систематической и исторической зависимости одной от другой и завершения в социологии. С этой точки зрения, был произведен методический анализ отдельных наук. Была подвергнута исследованию структура каждой науки, установлены содержащиеся в каждой из них предпосылки, и на основании последних был выведен принцип взаимных отношений наук между собою; вместе с тем было доказано, как при этом следовании от науки к науке возникают новые методы; наконец, главным делом философии была выставлена и определена социология. Этим была завершена тенденция, наметившаяся при выделении позитивных наук, – создать их связь из них самих, не прибегая к всеобщему гносеологическому основанию, т. е. основать философию позитивную. Это была важная попытка конституировать философию как имманентную связь предметного познания. Так как это позитивистическое понимание философии исходит от развитого в мате-

матических, естественных науках строгого понятия общеобязательного знания, то его дальнейшее значение для философской мысли заключается в том, что оно поддерживает вытекающие отсюда требования и очищает науки от всяких не могущих быть доказанными придатков, получающихся от метафизических концепций. Уже этой своей внутренней противоположностью метафизике новое философское учение исторически обусловлено метафизикой. Но это ответвление философии связано со стволом метафизики еще и стремлением к универсальному общеобязательному пониманию мира.

Эта вторая неметафизическая позиция философского духа выходит, однако, далеко за пределы позитивизма. Подчинение в позитивизме духовных фактов познанию природы приращивает к нему элемент мирозерцания и делает его, таким образом, отдельной доктриной в рамках этого нового течения философского духа. Правда, мы встречаемся с этим течением и без этого прибавления, и занимают эту позицию многие весьма выдающиеся исследователи в области гуманитарных наук. В особенности сильно его влияние в науках государственных и правовых. Понимание императивов, которые ставятся законодательством членам государства, может ограничиваться интерпретацией воли, выражающейся в них, или логическим их анализом и историческим объяснением, не прибегая для обоснования позитивного права и для анализа его правильности к общим принципам вроде идеи справедливости. Подобный прием заключает в себе черты, родственные позитивизму.

Мощь этой второй антиметафизической позиции философии как позитивистического понимания действительности ограничивается, в частности, во Франции, хотя влияние ее еще довольно велико там тем, что содержащийся в ней феноменальный способ понимания не в состоянии объяснить реальности исторического сознания и коллективных жизненных ценностей; точно так же это философское направление в качестве позитивной интерпретации правовых институтов не в состоянии обосновать идеалов, которые могли бы стать руководящими в эпоху, тенденция которой направлена на преобразование общества.

Если гносеологическое направление искало отличительный момент философии в ее методической позиции и если методическое самоуразумение и стремление философии к последним предпосылкам нашло в нем свое дальнейшее развитие; если, с другой стороны, позитивное мышление искало характерные черты философии в ее функции в рамках системы наук и если стремление философии к универсальности продолжалось в позитивном мышлении, то оставалась еще одна возможность: искать специальный предмет философии так, чтобы было удовлетворено ее стремление к постижению реальности. Попытки проникнуть в реальность путем метафизическим потерпели крушение; реальность сознания, как факта, выступала тем сильнее во всем своем значении. Эта реальность сознания дана нам во внутреннем опыте и вместе с нею нам дана возможность более глубокого познания многообразия порождений человеческого духа, как они выражены в гуманитарных науках. Внутренний опыт является исходной точкой для логики, теории познания и всякого учения о создании единообразного мировоззрения, на нем покоятся психология, эстетика, этика и родственные дисциплины. Вся описанная область всегда обозначалась названием «философской». На этом зиждется тот взгляд на сущность философии, который рассматривает ее как науку о внутреннем опыте или как гуманитарную науку.

Развитие этой точки зрения начинается с того времени, как психология (в XVIII веке) становится благодаря выработке учения об ассоциациях на прочную эмпирическую почву и пред ней открывается широкое поле для плодотворных применений этого учения в теории познания, эстетике и этике. Давид Юм доказывает в своем главном труде о природе человека, что изучение человека, опирающееся на опыт, и составляет истинную философию. Отвергая метафизику, обосновывая теорию познания исключительно на новой психологии, в которой он вместе с тем открывает и объяснительные принципы гуманитарных наук, он создает новую связь гуманитарных наук, основанную на внутреннем опыте. После создания естественных

наук эта связь, в центре которой стоит учение о человеке, открывает вторую великую задачу пред человеческим духом. Адам Смит, Бентам, Джемс Милль, Джон Стюарт Милль и Бэн продолжали ее дальнейшую разработку. Джон Ст. Милль точно так же, как и Юм, понимает под философией «научное знание о человеке как об интеллектуальном, моральном и социальном существе». В Германии ту же точку зрения защищал Бенеке. Он заимствовал ее от английской и шотландской школы, и лишь в смысле ее проведения он стоит под влиянием Гербарта. В этом смысле ее он заявляет уже в своей книге «Основание к физике нравов»: «Если победит моя точка зрения, то вся философия превратится в естественную науку о человеческой душе». Им руководила та великая истина, что внутренний опыт открывает нам полную действительность в душевной жизни, между тем как данный нашим чувствам внешний мир нам дан лишь как феномен. В своей «Прагматической психологии» он показал потом, что «все, что является предметом нашего понятия как в логике, морали, эстетике, философии религии, так даже и в метафизике», лишь тогда может быть ясно и глубоко понято, «когда мы поймем его по основным законам развития человеческой души, как они изложены в (теоретической) психологии в самой общей их связи». Из позднейших мыслителей Теодор Липпс дал в своих «Основных фактах душевной жизни» категорическое определение философии как науки гуманитарной или науки о внутреннем опыте.

Великие заслуги этих мыслителей в деле разработки гуманитарных наук не подлежат никакому сомнению. Лишь с тех пор, как была понята возможность положения, которое занимает психология в этой области, и наши психологические познания стали применяться к отдельным гуманитарным наукам, последние начали все больше и больше удовлетворять требованиям общеобязательного знания. Но новая философская точка зрения на философию как науку о внутреннем опыте не могла разрешить вопроса об общеобязательности научного познания, и в своей ограниченности она не оказалась также в состоянии справиться и с задачей, которую себе с полным основанием поставил позитивизм. Поэтому Теодор Липпс впоследствии сам перешел к новой формулировке своей точки зрения.

В этом понимании философии замечается в высшей степени важное отношение этого третьего неметафизического течения человеческой мысли к метафизическим проблемам философии, что подтверждается названием и историческим процессом. Естественные науки извлекают из переживания лишь то частичное содержание, которое может быть полезно для определения изменений в независящем от нас физическом мире. Познание природы имеет, таким образом, дело лишь с явлениями сознания. Предметом же гуманитарных наук служит данная во внутреннем опыте реальность самих переживаний. Здесь мы имеем пред собою пережитую – правда, только пережитую – реальность, постижение которой составляет предмет бесконечной точки философии. Итак, мы видим, что и это ограничение при определении понятия философии сохраняет связь ее сущности с ее первоначальной основной проблемой.

3. Заключение о сущности философии

С одной стороны, результаты исторического рассмотрения оказались отрицательными. В каждом из определений понятия философии мы встречаем лишь один момент понятия ее сущности. Каждое из определений является лишь выражением той точки зрения, которую философия занимала в определенный момент своего развития. Оно выражает лишь то, что одному или нескольким мыслителям при известных обстоятельствах казалось необходимым или возможным считать задачей философии. Каждое из определений очерчивает особый круг явлений для философии и исключает из него другие явления, обозначаемые названием философии. Великие разногласия в точках зрения выражаются и в определениях философии. Будучи равноправными, каждое из них отстаивает себя. И спор мог бы быть улажен лишь тогда, когда удалось бы найти какую-нибудь точку зрения, возвышающуюся над всеми партиями.

Угол зрения, под которым намечались изложенные нами определения понятия философии, – это угол зрения философа-систематика, который, исходя из связи своей системы, стремится одним определением высказать то, что ему кажется ценной и разрешимой задачей. Несомненно, что он имеет на то право: он дает определение своей собственной философии. Он не отрицает того, что философия на протяжении своего пути ставила себе и другие задачи, но он считает их разрешение либо невозможным, либо малоценным, и усилия философии над их разрешением кажутся ему лишь долго длящейся иллюзией. Поскольку отдельный философ отдает себе ясный отчет в смысле своего определения понятия философии, постольку не может возникнуть ни малейшего сомнения в его праве ограничивать философию теорией познания, или науками, основанными на внутреннем опыте, или систематическим порядком наук, в котором они осуществляют познание.

Задача определения сущности философии, которое сделало бы ясным ее название и понятия, существующие о ней у различных философов, необходимо ведет от систематической точки зрения к исторической. Необходимо определить не то, что здесь или теперь считается философией, а то, что постоянно и всегда составляет ее содержание. Все отдельные понятия о ней указывают на это общее содержание, объясняющее многообразие всего того, что выступало как философия, и различия в этих воззрениях. Превосходство этой исторической точки зрения сказывается в том, что благодаря ей могут быть поняты в их необходимости как уверенность, так и своеобразие высказываний отдельных систем о философии. Всякое решение философской проблемы, рассматриваемое исторически, принадлежит какому-нибудь определенному времени и определенному в нем положению: человек, это создание времени, действуя в нем, черпает уверенность своего существования в том, что он считает длительным; с такой иллюзией он творит радостнее и сильнее. Здесь кроется вечное противоречие между творящими душами и историческим сознанием. Первым кажется естественным стремиться забывать прошлое и не обращать внимания на грядущее лучшее; историческое же сознание живет в синтезе всех времен и подмечает во всех действиях отдельного человека присущие им относительность и преходящность. Это противоречие составляет интимнейшее, молчаливо переносимое страдание современной философии. В философе настоящего времени собственное творчество встречается с историческим сознанием, так как в настоящее время его философия без этого сознания охватывала бы лишь небольшую часть действительности. Его творчество должно сознавать себя звеном в исторической связи, в которой он сознательно добивается чего-нибудь условного. Тогда пред ним открывается возможность разрешения этого противоречия, как это будет показано нами в другом месте, он может спокойно отдаться во власть исторического сознания, свое собственное будничное дело он может поставить под угол зрения исторической связи, в которой осуществляется сущность философии во всем многообразии ее явлений.

Рассматриваемое с этой исторической точки зрения каждое отдельное понятие философии превращается в момент, указывающий на закон образования, содержащийся в фактах философии. Пусть каждое из намеченных, с систематической точки зрения, определений понятия философии и не состоятельно, все же они все важны для решения вопроса о сущности философии. Ибо они образуют существенную часть того исторического материала, на основании которого мы выводим свои заключения.

Для выведения этого заключения мы резюмируем все рассмотренные нами данные. Название философии оказалось приложимым к фактам самого различного рода. В сущности философии сказалась чрезвычайная подвижность: выдвижение все новых и новых задач, приспособление к условиям культуры; то она углубляется в проблемы, как в ценные, то отвергает их; на одной ступени познания ей кажутся разрешимыми такие вопросы, которые она на другой ступени оставляет как неразрешимые. Но всегда мы в ней замечаем одну и ту же тенденцию к универсальности, к обоснованию, то же стремление духа к постижению данного мира в

целом. И постоянно в ней борются метафизическое тяготение к проникновению в ядро этого целого с позитивистическим требованием общеобязательности ее знания. Таковы две присущие ей стороны, отличающие ее даже от наиболее родственных областей культуры. В отличие от отдельных наук она стремится к разрешению мировой и жизненной загадки. И в отличие от искусства и религий она стремится дать решение общеобязательное. Ибо таков главный результат разбора исторического материала: от метафизического миропознания греков, стремившегося разрешить великую загадку жизни и мира общеобязательным образом, вплоть до наиболее радикальных скептиков из позитивистов современности ведет стройная замкнутая в себе историческая связь; все, что совершается в философии, как-нибудь да определяется этой исходной точкой, этой ее основной проблемой исчерпываются все возможности, какие только могут представиться в отношении человеческого духа к загадке мира и жизни. В этой исторической связи заслугой каждой отдельной исторической позиции является осуществление какой-нибудь возможности при данных условиях. Каждая из них являлась выражением какой-нибудь черты сущности философии, и вместе с тем она своим ограничением указывала на телеологическую связь, обуславливающую ее – как часть целого, в котором вся истина. Этот сложный исторический факт объясняется тем, что философия есть функция в целевой связи общества, которая определяется присущей философии деятельностью. Как философия в отдельных своих позициях выполняет эти функции – это зависит от их отношения к целому, а также от культурного уровня – по времени, месту, условиям жизни – личности. Поэтому она не выносит никаких строгих ограничений определенным предметом или определенным методом.

Это положение вещей, образующее сущность философии, объединяет всех философских мыслителей. Здесь находит себе объяснение одна существенная черта, с которой мы встретились в явлениях философии. Название философии, как мы видели, обозначает нечто равномерно возвращающееся, находящееся везде, где выступает это название, и вместе с тем внутреннюю связь участвующих в нем. Если философия есть функция, совершающая определенную деятельность в обществе, то она тем самым объединяет во внутреннее взаимоотношение всех тех, в ком живет эта цель. Главы философских школ связаны, таким образом, со своими учениками. В академиях, выступивших на сцену со времени основания отдельных наук, мы встречаем эти отдельные науки за совместным трудом, дополняющими друг друга и проникнутыми идеей единства знания, причем сознание этой связи воплощается в таких философских натурах, как Платон, Аристотель и Лейбниц. Наконец, в XVIII веке университеты развились в организации совместного научного труда, на почве которого объединялись учителя между собою и с учениками, и в них на долю философии выпала функция сохранить обоснованность, связь и цель знания. Все эти организации охватывает внутренняя связь цели, и, начиная с Фалеса и Пифагора, один мыслитель ставит другому проблемы и передает истины: так, в последовательном порядке продумываются возможные решения и развиваются дальше мировоззрения. Великие мыслители действуют на следующее за ними время, как силы.

III. Промежуточные члены между философией и религиозностью, литературой и поэзией

Системы великих мыслителей, в которых главным образом и несомненно излагается философия, и связь этих систем в истории привели нас к проникновению в саму функцию философии. Но из этой функции философии еще нельзя вывести окончательно распределения названий философии и философского. Эти названия простираются и на такие явления, которые не определяются исключительно этой функцией философии. Для объяснения этих фактов горизонт наших рассуждений должен быть раздвинут.

Сродство философии с религией, литературой и поэзией отмечалось постоянно. Внутреннее отношение к жизненной и мировой загадке обще всем трем. Таким образом, названия философии, философские или родственные им обозначения были перенесены на духовные факты в области религиозности, равно как на факты жизненного опыта, образа жизни, писательской деятельности и поэзии.

Греческие апологеты называли христианство философией. Согласно Юстину, Христос как очеловеченный божественный разум категорически разрешает те вопросы, над которыми бились истинные философы. Согласно Минуцию Феликсу, философия, завершившаяся в христианстве, состоит в вечных истинах о Боге, человеческой ответственности и бессмертии, истинах, обоснованных в разуме и могущих быть доказанными им: христиане в наше время являются (истинными) философами, а философы в языческие времена уже были христианами. Другая весьма значительная христианская группа называет знание, завершающее веру, гнозисом. Еретическая гностика основывается на наблюдениях, сделанных над моральной мощью христианства при освобождении души от чувственности, и дает этому опыту метафизическую интерпретацию в историкорелигиозных интуициях. В лоне самой церкви Климент Александрийский понял гнозис как поднятую до знания христианскую веру и приписал ей право истолковывать высший смысл священных писаний. Ориген в своей работе о принципах, этой завершенной системе христианского гнозиса, обозначает последнюю как метод, обосновывающий истины, содержащиеся в традициях апостолов. В рамках современного ей греко-римского умозрения выступает аналогичный промежуточный член в лице неоплатонизма: философское стремление находит себе здесь высшее удовлетворение в мистическом слиянии с божеством, т. е. в процессе религиозном. Поэтому Порфирий усматривает мотивы и цель философии в спасении души, а Прокл предпочитает называть свою умственную работу не философией, а теологией. Средства мышления, при помощи которых философия и религии приводятся во внутреннее единство, во всех этих системах одни и те же. Первое – это учение о Логосе. В божественном единстве заложена сила сообщения, и из нее исходят, как родственные по существу своему, философские и религиозные формы сообщения. Второе средство – это аллегорическое истолкование. При его помощи частное и историческое, что есть в религиозной вере и священных писаниях, возвышается до степени универсального мировоззрения. В самих системах так тесно переплетаются философский инстинкт, религиозная вера, рассудочная аргументация и мистическое единение с божеством, что религиозные и философские процессы представляются как моменты одного и того же явления. Ибо в этот век великого столкновения религий наблюдение за развитием значительных личностей породило плодотворную мысль об общем типе истории развития высших душ. На ней строятся затем высшие формы средневековой мистики, так что и в них мы имеем дело не с простым смешением этих двух областей, а с психологически глубокой внутренней связью. Подобный духовный феномен должен был повлечь за собой полное колебание в назывании. Еще Яков Беме называет труд своей жизни священной философией.

Если уже все эти факты указывают на внутреннюю связь, существующую между религиозностью и философией, то она становится совсем очевидной из того обстоятельства, что история философии не может исключить из себя эти промежуточные члены между нею и религиозностью. Последние занимают свое определенное место в процессе развития от жизненного опыта к психологическому сознанию о нем, равно как в возникновении и разработке мировоззрения. Итак, ввиду этого промежуточного слоя, лежащего между философией и религиозностью, мы вынуждены отойти от установленных нами черт сущности философии к сочетаниям более широкого объема и более глубокого основания.

Мы вынуждены сделать это также и тогда, когда мы посмотрим на отношения к жизненному опыту, литературе и поэзии, как они выражены в наименованиях, определениях понятия и исторической связи. Те, которые для своего воздействия на публику в качестве писате-

лей стремятся достичь свободной от нападок точки зрения, встречаются на этом пути с теми, которые, исходя из философского исследования и отчаявшись в системе, желают свободнее, человечнее обосновать и выразить свои знания о жизни.

Представителем первого типа можно считать Лессинга. Его природа сделала его писателем. В бытность свою молодым человеком он интересовался философскими системами, но у него и в мыслях не было занять определенную позицию в их споре. Но каждая из больших или маленьких задач, которые он себе ставил, вынуждала его отыскивать прочные понятия и истины. Кто желает вести за собой публику, тот должен сам быть на верном пути. Так он переходил от ограниченных задач к проблемам все более и более общего характера. Не проделывая систематической работы философа, он разрешал эти проблемы силой своего собственного существа, как его сформировала жизнь. Из самой жизни вырос для него жизненный идеал, от философии своего времени он получил детерминистическое учение, а люди, которых он так хорошо знал, подтверждали его; на этих основаниях у него возникло при его теологических занятиях известное представление о божественной силе, в которой обоснована необходимая связь вещей. Эти и другие моменты привели его к известной внутренней структуре его идей, которая, однако, все же еще сильно отличается от черт сущности философии, как они изложены нами. Тем не менее всякий, не задумываясь, будет говорить о философии Лессинга. В известном месте истории этой жизненной области он входит в нее и утверждает там свое место. В лице всех тех писателей, стало быть, представителем которых он может считаться, мы имеем дело с промежуточным слоем, который связывает литературу с философией.

К тому же промежуточному слою принадлежит и другой класс, который, отправляясь от систематической философии, перешел к более субъективному, менее строгому по форме способу разрешения жизненной и мировой загадки. Эта группа занимает в истории человеческого духа в высшей степени значительное место. Всякий раз, когда приходила к концу какая-нибудь эпоха систематического мышления, когда жизненные ценности, признанные в ней до сих пор, более не соответствовали изменившемуся положению человека, а тонко и глубоко разработанное познание мира в понятиях больше не совпадало с фактами нового опыта, – всегда в такие эпохи выступают подобные мыслители и возвещают новую зарю в жизни философии. Таковы были философы стоико-римской школы, которые, исходя из философии поведения, дошли до того, что сбросили с себя гнет греческой систематики и начали искать свою цель в более свободной интерпретации самой жизни. Марк Аврелий, нашедший гениальнейшую форму для этого метода в виде своих монологов «Наедине с собой», видит сущность философии в таком строе жизни, при котором бог нашего внутреннего мира ограждается от грязи мира и остается независимым от него. Но эти мыслители еще сильно опирались в своих рассуждениях о жизни на систематику стоического учения, и в этом смысле они оставались в прямой внутренней связи с движением стоявшей под знаком требования общеобязательности философии. Больше того: в этой философии они занимают вполне определенное место как продолжатели построенного на пантеистическом детерминизме учения о личности – направления, возвращающегося в немецкой философии XIX столетия. Гораздо резче откалывается от философии с ее требованием общеобязательности целый ряд современных мыслителей. Искусство жизненного опыта и жизненного поведения породило в эпоху Возрождения, как свой прекраснейший цветок, произведения Монтеня. Монтень оставляет позади суждения о жизни средневековой философии и еще решительнее, чем Марк Аврелий, он отказывается от всякого требования обоснованности и общеобязательности. Его работы лишь в случайных и кратких рассуждениях распространяются за пределы изучения человека: его «опыты» для него – его философия. Ибо философия, по его мнению, есть образовательница силы суждений и нравов, больше того: твердость и правдивость, собственно говоря, и есть истинная философия. И подобно тому, как Монтень сам называет свое произведение философским, он необходимо входит в историю философии. Точно так же Карлейль, Эмерсон, Рескин, Ницше, даже Толстой, Метер-

линк имеют в настоящее время какое-нибудь отношение к систематической философии, и еще сознательнее, суровее, чем Монтень, они отворачиваются от нее, и еще строже, чем он, они упраздняют всякую связь между собой и философией как наукой.

Все эти явления точно так же, как и мистика, суть не мутное смешение философии с какой-нибудь другой жизненной областью, но в них, как и в ней, находит себе выражение известное душевное развитие. Попытаемся понять сущность этой современной философии жизни. Одна сторона ее выражается в постепенном нисхождении и ослаблении методических требований общеобязательности; метод, при помощи которого из жизненного опыта получается толкование жизни, принимает в течение этого процесса все более и более свободные формы; афоризмы связываются в неметодическое, но яркое жизнетолкование. Писательство этого рода постольку родственно античному искусству софистов и риториков, от которого так резко отмежевывался Платон в сфере философии, поскольку здесь место методического доказательства занимает переубеждение. И все же сильная внутренняя связь объединяет некоторых из этих мыслителей с самим философским движением. Их искусство уговаривания по существу своему связано с огромной серьезностью и огромной правдивостью. Их взор обращен на загадку жизни, но они отчаиваются разрешить ее при помощи общеобязательной метафизики; на основании теории мировой связи жизнь должна быть истолкована из нее самой – такова та великая мысль, которая связывает этих философов жизни с мировым опытом и с поэзией. Начиная с Шопенгауэра, эта мысль развивалась в сторону все большей и большей враждебности к систематической философии; в настоящее время она образует центральный пункт философских интересов молодого поколения. В этих произведениях находит себе выражение направление литературы своеобразного величия и самостоятельного характера. И, присваивая себе название философии, она, как некогда религиозные мыслители, подготавливает новое развитие систематической философии. Дело в том, что после того, как навсегда разрушена общеобязательная наука метафизики, необходимо должен быть найден независимый от нее метод установления определений ценности, целей и правил жизни, и на основе описательной и расчленяющей психологии, исходящей из строения душевной жизни, надо будет искать в рамках методической науки решение, может быть более скромное и менее диктаторское, той задачи, которую себе поставили философы нового времени.

Обнаруженные нами сложные отношения, существующие между религией, философией, жизненным опытом, поэзией, заставляют нас вернуться к отношениям, господствующим между этими силами культуры в отдельной личности и в обществе. Шаткость отграничений, обусловленная подвижностью признаков философии и указывающая на определение понятия философии как функции, может быть вполне понята лишь тогда, когда мы обратимся к жизненной связи в индивидууме и обществе и найдем в ней присущее философии место. Этого мы достигнем при посредстве применения нового метода.

Б. Сущность философии с точки зрения положения философии в духовном мире

До сих пор мы индуктивным путем выводили черты сущности философии из фактов, носящих название философии, и из понятий о них, как они образовались в истории философии. Эти черты привели нас к функции философии как единообразного соотношения вещей в обществе. При посредстве этого единообразного факта мы обнаружили, что все занимающиеся философией лица связаны во внутреннюю связь истории философии. В многообразных промежуточных формах философия затем проявляется в сфере религии, размышлений о жизни, литературы и жизни. Эти индукции из исторического положения вещей находят свое подтверждение и объединяются в законченное познание сущности философии тогда, когда последней отводится соответствующее ей место в той связи, в которой она выполняет свои функции:

в рассмотрении отношения ее понятия к подчиняющим и сочиненным понятиям оно находит свое завершение.

I. Место функции философии в связи душевной жизни, общества и истории

1. Положение ее в структуре душевной жизни

Исторически данные черты мы понимаем лишь на основании внутренней сущности душевной жизни. Наука, которая описывает и расчленяет эту внутреннюю сущность, называется описательной психологией. Она берет поэтому и функции философии в обиходе духовной жизни как бы изнутри и определяет ее в ее отношении к наиболее близким ей по сродству духовным проявлениям. Так совершенствуется она понятие о сущности философии. Дело в том, что содержанием понятий, в которые входит и понятие философии, служит внутреннее отношение признаков, составляющих на почве удержания пережитого и понимания других реальную связь, между тем как теоретическая естественная наука устанавливает общие черты только в феноменах, которые даны чувствам.

Все человеческие произведения вытекают из душевной жизни и ее связи с внешним миром. Так как наука всюду отыскивает закономерное, то и изучение духовных произведений должно исходить от закономерного в душевной жизни. Оно бывает двоякого рода. В душевной жизни существуют единообразия, которые могут быть установлены на ее изменениях. К ним мы относимся так же, как к внешней природе. Наука констатирует их, выделяя из сложных переживаний отдельные процессы и выводя индуктивным путем закономерное в них. Так мы распознаем процессы ассоциации, воспроизведения или апперцепции. Каждое изменение является частным случаем, находящимся в отношении подчинения к единообразиям. Последнее образует одну сторону психологического основания, уясняющего духовные произведения: так, своеобразные процессы образования, в которых восприятия превращаются в образы фантазии, содержат часть оснований, объясняющих миф, сказку, легенду и художественное творчество. Но процессы душевной жизни связаны между собой еще нитями другого рода. Они связаны между собой как части всего строя душевной жизни. Этот строй я называю психической структурой. Это тот порядок, в котором различной природы психические факты в сложной душевной жизни связываются между собой внутренним переживаемым взаимоотношением. Основная форма этого душевного строя определяется тем, что всякая психическая жизнь обусловлена своей средой и, в свою очередь, оказывает обратное целесообразное воздействие на свою среду. Ощущения вызываются и отражают многообразие внешних причин; побуждаемые отношением этих причин к нашей собственной жизни, как она выражена в чувствовании, мы интересуемся этими впечатлениями, апперципируем, различаем, связываем, образуем суждения и умозаключаем; под влиянием предметного понимания возникают, на основе многосложности чувствований, все более и более правильные определения той ценности, которую представляют жизненные моменты и внешние причины для этой собственной жизни и для системы ее инстинктов; руководимые этими оценками, мы при помощи целесообразных волевых действий либо изменяем природу среды, либо при помощи внутренней деятельности воли приспособляем собственные жизненные процессы к своим потребностям. Такова человеческая жизнь. Разнообразнейшим образом сплетены между собой в ее связи восприятие, воспоминание, процесс мышления, инстинкт, чувствование, желание, волевые действия. Всякое переживание, как заполняющее какой-нибудь момент нашего существования, сложно.

Связь психической структуры имеет телеологический характер. Каждый раз, когда душа сталкивается через радость или горе с наиболее ей ценным, она реагирует вниманием, отбо-

ром впечатлений и обработкой последних, порывом, волевыми действиями, подбором в своих целях, отыскиванием средств для их проведения.

Так, уже в рамках предметного понимания замечается целестремительность: формы отражения какой-нибудь действительности образуют ступени в одной целевой связи, в которой предметное достигает степени все более и более совершенного и сознательного отражения. Проявляемое нами при восприятии пережитого и данного отношение создает нашу мировую картину, наши понятия о действительности, отдельные науки, на которые распадается познание этой действительности, т. е. создает целевую связь познания действительности.

Во все моменты этого процесса действуют инстинкт и чувство. В них – средоточие нашей душевной структуры; ими приводятся в движение все глубины нашего существа. Мы стремимся к такому состоянию нашего чувства жизни, которое каким-нибудь образом заставило бы молчать наши желания. Жизнь находится в постоянном приближении к этой цели; то она, кажется, достигает ее, то снова удаляется от нее. И только прогрессивно нарастающий опыт учит каждого отдельного человека тому, в чем для него заключается длительно ценное. Главная работа жизни с этой стороны сводится к тому, чтобы через иллюзии прийти к познанию того, что для нас поистине ценно. Совокупность процессов, в которых мы подвергаем испытанию жизненные ценности и ценности предметов, я и называю жизненным опытом. Он предполагает знание того, что есть, т. е. наше предметное понимание, и для него наши волевые действия, ближайшим образом направленные на изменения вне нас или в нас, могут быть вместе с тем и средствами установления ценностей наших жизненных моментов, равно как и внешних предметов, если они возбуждают наш интерес. Знание людей, история, поэзия расширяют средства жизненного опыта и его горизонт. Но и в этой области наша жизнь получает прочное основание лишь при посредстве возвышения до общеобязательного знания. Но может ли последнее ответить на вопрос о безусловно ценном? На сознании о ценностях жизни основана третья и последняя связь, в согласии с которой мы стремимся при помощи наших волевых действий руководить и упорядочивать предметы, людей, общество, себя самих. В нее входят цели, блага, обязанности, правила жизни и вся огромная работа нашей практической деятельности в области права, хозяйства, регулирования общества, борьбы с природой. В рамках этого отношения сознание также стремится выработать все более и более высокие формы; высшую форму мы усматриваем в действии на основании общеобязательного знания, и снова возникает вопрос, поскольку достижима эта цель.

Существо, в котором заложена целеустремительность, направленная на вытекающие из инстинктов жизненные ценности и проявляющаяся в дифференциации поступков и их взаимном внутреннем отношении к цели, – такое существо будет развиваться. Так, из структуры душевной жизни вытекает ее развитие. Любой момент, любая эпоха нашей жизни имеет собственную ценность в себе, поскольку ее своеобразные условия допускают известного рода удовлетворение и завершение нашего существования; вместе с тем все ступени жизни связаны между собой в одну историю эволюции: в беге времени мы стремимся достигнуть все более и более богатого развития жизненных ценностей, все более прочной и высокой формы душевной жизни. Здесь снова сказывается уже отмеченное основное взаимодействие между жизнью и знанием: в повышении сознательности, в возведении наших действий на ступень обязательного обоснованного знания заключается наиболее существенное условие прочного образа нашего внутреннего мира.

Эта внутренняя связь показывает нам, как из основных свойств душевной жизни с внутренней необходимостью выросли эмпирически установленные функции философии. Если представить себе индивидуум, совершенно изолированный и притом совершенно не стесненный конечностью отдельной жизни во времени, то в нем понимание действительности, переживание ценностей и осуществление благ будет происходить в согласии с правилами жизни; неминуемо должно будет возникнуть в нем уразумение своих действий, которое завершится

лишь при достижении общеобязательного знания о них. Ввиду того же что в глубинах этой структуры понимание действительности, внутреннее постижение ценностей при посредстве чувствований и реализация жизненных целей тесно связаны между собой, то он и будет стремиться охватить эту внутреннюю связь общеобязательным знанием. То, что связано между собой в глубинах структуры – познание мира, жизненный опыт, принципы действий, – то должно быть приведено в какую-нибудь связь и в мыслящем сознании. Так возникает в данном индивидууме философия. Философия заложена в структуре человека; каждый человек, какую бы позицию он ни занимал, стремится приблизиться к ней, и всякое человеческое действие имеет тенденцию достигнуть философской сознательности.

Структура общества и положение, занимаемое в ней религией, искусством и философией. Отдельный человек, как существо изолированное, есть простая абстракция. Кровное родство, местное сосуществование, сотрудничество в разделении труда, отношения господства и подчинения – все это делает индивидуума членом общества. Так как общество состоит из структурированных индивидуумов, то в нем проявляются те же закономерности структуры, что и в индивидууме. Субъективная и имманентная целесообразность в индивидуумах выражается в истории как эволюция. Закономерности отдельной души принимают формы закономерностей социальной жизни. Дифференциация и высшие взаимоотношения дифференцированных проявлений в индивидууме принимают в обществе более прочные и более действительные формы, формы разделения труда. Эволюция становится неограниченной через сцепление поколений: произведения всякого рода труда продолжают существовать как основание для все новых поколений, духовный труд непрерывно расширяется в пространстве, руководимый сознанием солидарности и прогресса; так возникает непрерывность общественного труда, рост затраченной на него духовной энергии и развитие дифференциации труда. Эти рациональные моменты, действие которых проявляется в жизни общества и уже подмечено социальной психологией, стоят под знаком тех условий, на которых покоится истинная сущность исторического существования; раса, климат, жизненные условия, сословное и политическое развитие, личное своеобразие индивидуумов и их групп придают каждому духовному производству его своеобразный характер. Но в рамках этого многообразия из всегда одинаковой структуры жизни возникают одинакие целевые ряды, которые я называю системами культуры, но принимают они различные исторические модификации. Итак, теперь философия может быть определена как одна из культурных систем человеческого общества. Дело в том, что в пестрой смене лиц и поколений те из них представляют собою целевой ряд, в которых заключена функция проявления своего отношения к мировой и жизненной загадке при помощи общеобязательных понятий. Теперь наша задача сводится к определению места, занимаемого этой культурной системой в обиходе общества.

В процессе познания действительности опыт поколений сцепляется в ряд на основании единообразия мышления и тождества независящего от нас мира. Так как познание постоянно стремится расшириться, то оно дифференцируется в увеличивающемся числе отдельных наук, но при этом сохраняется связывающее их всех одно общее отношение к единому действительному, а также и требование общеобязательности их знания. В отдельных науках культура нашего поколения имеет свое прочное, все связующее, все вперед движущее руководящее основание.

От этой великой системы человеческая культура простирается до совокупности тех ее систем, в которых охвачены и дифференцированы волевые действия. Ибо и волевые действия индивидуумов связаны между собой в системы, сохраняющиеся в смене поколений. Закономерности в отдельных сферах поведения, самость действительности, к которой она относится, требование согласования действий, направленных на реализацию известных целей, порождают культурные системы экономической жизни, права, борьбы с природой. Все эти действия испол-

нены жизненных ценностей: в самой этой деятельности скрыты и из нее извлекаются радость и повышение нашего существования.

Но по ту сторону напряжения воли существует такое наслаждение жизненными ценностями и ценностями предметов, в котором мы отдыхаем от этого напряжения. Таковы жизнерадостность, общительность, праздники, игры, шутки. Это та атмосфера, в которой развивается искусство, интимнейшая сущность которого заключается в пребывании в сфере свободной игры и в котором, между прочим, вместе с тем ясно видно значение жизни. Романтическое мышление часто подчеркивало сродство религии, искусства и философии. Одна и та же мировая и жизненная загадка стоит перед поэзией, религией и философией; одно и то же родственное отношение к социально-исторической связи своей жизненной сферы мы наблюдаем как в человеке религиозном, так и в поэте и философе. Охваченные ею, они все же одиноки; их творчество возвышается над всеми их окружающими порядками и возносится в область, где они совершенно одиноко стоят лицом к лицу с всюду действующими силами вещей. Они страшатся уз, которыми прошлое и порядки стремятся опутать их творчество. Они ненавидят поглощение личности общинами, которые измеряют честь и значимость своих членов только в согласии со своими потребностями. Таким образом, существует огромное различие между прочно сплетающим соединением внешних организаций – целевых систем знания или внешнего поведения и сотрудничеством в культурных комбинациях религии, поэзии и философии. Но всех свободнее поэты. Играя настроениями и образами, они расторгают даже прочные нити, связывающие их с действительностью. Общие черты, связывающие религию, поэзию и философию и отделяющие их от других жизненных областей, состоят, собственно говоря, в том, что здесь воля не приурочена к ограниченным целям: задумавшись над самим собою и над связью вещей, человек тем самым освобождается от связанности с данным, определенным; таково познание, имеющее своим объектом не тот или другой ограниченный предмет, таково поведение, которое не должно непременно совершиться в определенном моменте целевой связи. Если бы мы направили свой взор и внимание исключительно на обособленное, определенное во времени и пространстве, то это нарушило бы целостность нашего существа, затемнило бы сознание нашей собственной ценности и нашей независимости от причинных сцеплений и связанности местом и временем; это действительно и имело бы место, если бы пред человеком не были открыты области поэзии, религии и философии – области, в которых он чувствует себя освобожденным от этой ограниченности. Воззрения, которыми он здесь живет, должны всегда как-нибудь охватывать отношения, существующие между действительностью, ценностью и идеалом, целью и правилом. Мы говорим: воззрения, – ибо творческое начало религии всегда заключается в концепции воздействующего сочетания, к которому индивидуум проявляет то или иное отношение; поэзия всегда выдвигает событие, взятое в его значительности; что же касается философии, то тут ясно, что ее систематический метод принадлежит к разряду предметных отношений. Поэзия остается в сфере чувства и созерцания, ибо она исключает не только всякое ограниченное определение целей, но и волевое отношение. Зато огромная серьезность религии и философии заключается в том, что они стремятся охватить во всей ее объективной глубине внутреннюю связь, которая приходит в структуры нашей души по пути от постижения действительности до целеустановления, и, исходя из этого, построить жизнь. Таким образом, они превращаются в ответственное размышление о жизни, которая и есть эта целокупность; в сознании своей искренности они становятся действительно радостными силами преобразования жизни. Хотя они интимно и связаны между собою, они все же борются друг с другом за свое существование, ибо они проникнуты одним и тем же стремлением к творчеству жизни. Глубина настроения и общеобязательность мышления в понятиях борются в них между собою.

Религия, искусство и философия, таким образом, одинаково втиснуты в рамки неумолимо прочных целевых рядов отдельных наук и порядков социального поведения. Родственные

друг другу и вместе с тем чуждые по своим духовным приемам, они вступают в самые своеобразные отношения друг к другу. Эти-то отношения нам и надлежит понять. Это же приводит нас назад к рассмотрению того, как в человеческом духе заложено тяготение к образованию мировоззрения и как философия стремится обосновать всеобщность последнего. Тогда пред нами раскроется и другая сторона философии, показывающая, как на основе развившихся в жизни понятий и наук начинается философская функция обобщения и сочетания.

II. Учение о мирозерцании. Религия и поэзия в их отношениях к философии

Религии, искусству и философии обща одна основная форма, корнящаяся в структуре душевной жизни. Во все моменты нашего существования имеется налицо отношение нашей собственной жизни к миру, который окружает нас как наглядное целое. Мы чувствуем себя, жизненную ценность каждого отдельного момента и ценность воздействия вещей на нас, но все это – в отношении к предметному миру. При дальнейшем росте самоуглубления сохраняется связь между опытом о жизни и развитием мировой картины. Оценка жизни предполагает знание того, что есть, и действительность выступает перед нами при меняющемся освещении, исходящем от нашей внутренней жизни. Ничто так не бегло, не чутко, не нежно и не изменчиво, как настроение человека относительно связи предметов. Документами такого настроения служат те милые стихотворения, в которых поэты с картиной природы сплетают выражение своей внутренней жизни. Подобно теням от облаков, пробегающих над какой-нибудь местностью, в нас беспрерывно меняются понимание и оценка жизни и мира. Человек религиозный, художник или философ тем и отличаются от людей посредственных и даже гениев другого рода, что они удерживают в воспоминании такие жизненные моменты, доводят до сознания их содержание и синтезируют отдельный опыт в общий опыт о самой жизни. Этим они выполняют весьма важную функцию не только для себя, но и для общества.

Так вырастают интерпретации действительности – мирозерцания. Подобно тому как всякое положение имеет и выражает какой-нибудь смысл и значение, так и эти интерпретации стремятся выразить смысл и значение мира. Но как изменчивы эти интерпретации даже в каждом отдельном индивидууме! Под влиянием опыта они изменяются то постепенно, то внезапно. Человеческая жизнь проходит, как это подметил Гете, в типической смене различных мирозерцаний. Их многообразие обуславливается временем и местом. Вся земля покрыта, как пестрым сплетением бесчисленных форм, жизневоззрениями, художественными выражениями миропонимания, религиозно-определенными догмами, философскими формулами. Между ними, как между растениями на земле, происходит борьба за существование и за пространство на земле. Но вот некоторые из них, отмеченные цельным величием личности, получают власть над людьми. Святые жаждут заново переживать жизнь и смерть Христа: длинные ряды художников смотрят на человека глазами Рафаэля, кантовский идеализм свободы увлекает Шиллера, Фихте и большинство выдающихся личностей следующего поколения. Шаткость и колебания душевных процессов, случайное и частное в содержании жизненных моментов, неуверенное и изменчивое в понимании, оценке и целеустановлении – короче, вся внутренняя досада наивного сознания ошибочно восхваляемого Руссо и Ницше – все это преодолевается. Простая форма религиозного, художественного или философского отношения приносит с собой уверенность и спокойствие и создает связь, объединяющую религиозного гения с верующим, мастера – с его учениками, философскую личность – с теми, которые находятся под ее властью.

Итак, теперь выясняется, что следует понимать под мировой и жизненной загадками как под общим предметом религии, философии и поэзии. В структуре мирозерцания все-

гда содержится такое внутреннее отношение жизненного опыта к мировой картине, из которого постоянно может быть выведен жизненный идеал. В этом нас убеждают анализ высших образований в этих трех сферах творчества, а также отношения, существующие между действительностью, ценностью и волеустановлением. Таким образом, структура мирозерцания представляет собою сочетание, в котором объединены составные части различного происхождения и отличного характера. Основное различие этих составных частей сводится к дифференциации душевной жизни, которую мы называли структурой последней. Применение названия мирозерцания к духовному образованию, включающему в себя миропознание, идеал, установление правил и высшее целеназначение, оправдывается тем, что никогда в него не вкладывается намерение к определенным действиям и оно, стало быть, никогда не включает в себя практического отношения.

Проблема отношения философии к религии и поэзии может быть сведена к вопросу об отношениях, возникающих из различия структуры мирозерцания в этих трех формах. Ибо они лишь постольку вступают во внутренние отношения друг к другу, поскольку они содержат или готовят мирозерцание. Подобно тому как ботаник распределяет растения по классам и исследует законы их роста, так и занимающийся анализом философии должен отыскивать типы мирозерцаний и познавать закономерность их образования. Подобный способ сравнительного рассмотрения возвышает человеческий дух над кроющейся в его обусловленности уверенностью, что он нашел истину в одном из этих мирозерцаний. Подобно тому как объективность великого историка не позволяет ему ни порицать, ни одобрять идеалов отдельных эпох, так и философу надлежит исторически сравнительно понять свое исследуемое сознание, подчиняющее себе предметы, и соответственно с этим занять над ними всеми свою точку зрения. В этом случае в нем достигает завершения историчность сознания.

Религиозное мирозерцание по структуре своей отличается от поэтического, а последнее – от философского. Этому соответствует различие в порядке распределения типов мирозерцания в рамках этих трех систем культуры. Из основных различий между философским мирозерцанием и религиозным и поэтическим вытекает возможность перехода мирозерцания из религиозной или художественной формы в философскую и наоборот. Преобладающий момент перехода мирозерцания в философскую форму основан в присущей душе тенденции придавать своим действиям прочность и связность, что в конце концов может быть достигнуто только в общеобязательном мышлении. Так, пред нами встают вопросы: в чем своеобразие структуры этих различных форм? При каких законных условиях трансформируется религиозное или поэтическое мирозерцание в философское? На границе этого исследования мы подходим вплотную к общей проблеме, рассмотрение которой завело бы нас слишком далеко, – к вопросу о законных условиях, определяющих изменчивость структуры и многосложность типов мирозерцания. Метод и здесь должен быть применен прежний: сначала исследуется исторический опыт, а затем заключающаяся в опытах совокупность данных вводится в рамки психической закономерности.

1. Религиозное мирозерцание и его отношение к философскому

Понятие религии принадлежит к тому же классу, что и понятие философии. Оно обозначает прежде всего соотношение вещей, которое повторяется в социально между собой связанных индивидуумах как частичное содержание их жизни. А так как подобная совокупность данных ставит во внутренние отношения и связывает тех индивидуумов, которым она одинаково присуща, то понятие религии указывает, стало быть, и на связь, объединяющую религиозно настроенных индивидуумов как членов одного целого. Определение понятия сопряжено с теми же трудностями, какие сказались при определении понятия философии. Для выведения понятия сущности из религиозных фактов необходимо было бы установить, по наименованию и принадлежности, весь объем религиозных фактов. Здесь не может быть изложен методиче-

ский прием, при помощи которого эти трудности разрешаются; мы воспользуемся лишь его результатами в целях расчленения религиозного мирозерцания.

Религиозным мирозерцание будет постольку, поскольку оно будет вытекать из известного рода опыта, обоснованного в религиозном процессе. Где бы мы ни встречали название религии, ее признаком всегда будет общение с невидимым, ибо оно встречается как в ее примитивных стадиях, так и в тех последних разветвлениях ее развития, где это общение состоит только во внутреннем отношении действий к идеалу, выходящему за пределы эмпирического и делающему возможным религиозное отношение, или же в отношении души к родственному ей божественному порядку вещей. Благодаря этому своему общению религия, рассматриваемая как история ее форм, развивается во все более объемлющую и совершеннее дифференцированную структурную связь. Отношение, в котором это происходит и которое должно в силу этого содержать основание, порождающее все религиозные воззрения, и основания познания всех религиозных истин, есть религиозный опыт. Он является одной из форм жизненного опыта, но специфический характер его заключается в том, что он есть то размышление, которое сопровождает процесс общения с невидимым.

Если жизненный опыт представляет собой все растущую в процессе переживаний сознательность относительно жизненных ценностей, побудительных ценностей предметов и вытекающих отсюда высших целей и правил нашего поведения, то своеобразный момент религиозного жизненного опыта заключается в том, что везде, где религиозность возвышается до полного сознания, он усматривает высшую и безусловно обязательную жизненную ценность в общении с невидимым, а в невидимом предмете этого общения – безусловно обязательную высшую побудительную ценность, из которой исходит все счастье и все блаженство; отсюда уже затем выводится, что все цели и правила поведения должны определяться этим невидимым. Этим обуславливается и отличительный момент в структуре религиозного мирозерцания. Его центральный пункт – религиозное переживание, в котором проявляется целокупность душевной жизни; основанный на нем религиозный опыт определяет все составные части мирозерцания; все воззрения о связи мира вытекают, если рассматривать их изолированно, из этого общения и должны понимать эту связь как силу, находящуюся во взаимодействии с нашей жизнью, и именно как силу душевную, ибо только такая делает возможным подобное общение. Идеал жизни, т. е. внутренний строй ее ценностей, должен определяться религиозным отношением; им же определяются и высшие правила об отношениях людей между собой.

Характер, который могут принимать религиозное общение, религиозный опыт и сознание о нем, определяет различные исторические ступени и формы, в которые выливается религиозное мирозерцание.

В доступной нам древней религиозности мы всегда встречаем веру и практику тесно между собой связанными. Они взаимно предполагают друг друга. Ибо, как ни возникала вера в новые, действующие вокруг человека силы, мы всегда, поскольку нам дано констатировать это в этнографии и истории, находим, что развитие этой веры определяется тем, какой образ религиозные предметы принимают от воздействия на них; с другой стороны, вера определяет культ, так как религиозное поведение только в нем достигает своей цели. Для народов первобытных религия является не чем иным, как техникой влияния на непостижимое и недоступное механическому изменению, техникой восприятия от него его сил, соединения с ним и вступления с ним в желательные отношения. Такие религиозные действия совершаются отдельным человеком, вождем или волшебником-жрецом. Постепенно вырабатывается для этого и особый профессиональный класс. На заре дифференциации мужских профессий возникает и это таинственное, недостаточно уважаемое, но вызывающее то страх, то полную ожидания робость занятие волшебника, медика или жреца. Постепенно вырабатывается организованное сословие, которое становится носителем всех религиозных отношений, всей техники магических манипуляций, покаяний и очищений, и оно остается хранителем знания до тех пор, пока не

создается самостоятельная наука. Воздержанием это сословие должно освободиться для бога, отречением оно должно закрепить свое отношение к невидимому, отречением, которое отделяет его в святости и достоинстве от всех других людей, – вот первая ограниченная форма, в которой подготавливается религиозный идеал.

Из этого общения с невидимым, направленного на достижение благ и отклонение зла, – общения, происходящего при посредстве особо избранных лиц, развиваются примитивные религиозные идеи в рамках этой формы религиозности. Они покоятся на мифическом представлении и на его внутренней закономерности. В изначальной жизненности и целокупности человека уже содержится возможность того, что во всех своих отношениях к внешнему миру он узнает проявления чего-то живого; это-то и составляет общую предпосылку религиозного общения. Техника религиозных действий должна была усилить эту форму понимания. Как субъективен, изменчив и различен бы ни был этот опыт, он все же в каждом племени или орде принимал благодаря общности религиозного опыта единообразные формы и упрочивался через собственную, по аналогии развивающуюся, логику. Там, где еще не было возможности сравнения с научной очевидностью, в нем могли гораздо легче развиваться подобная прочность веры и согласованность. Во сне, видениях и всякого рода ненормальных нервных состояниях, вторгающихся в ежедневную жизнь, религиозная логика получала опытный материал, который оказывался пригодным для иллюстрации влияния невидимого. Сила внушения, присущая содержаниям веры, их взаимное подтверждение, развивающееся по тем же законам религиозной логики, как и первое ее установление; затем как бы экспериментальное свидетельство, получающееся от испытанного влияния какого-нибудь фетиша или манипуляций чародея, – явление, подобное которому мы и теперь наблюдаем, когда сила какой-нибудь иконы испытывается на больных, чтобы затем через изображения и отчеты с мест паломничества запечатлеваться как массовое показание; далее, поступки волхвов, оракулов, монахов, порывистые движения и необычайные состояния, сопровождаемые видениями и откровениями, вызываемые постом, шумной музыкой, каким-нибудь опьянением, – все это укрепляло религиозную уверенность. Но самое существенное было все же то, что на первых доступных нам ступенях культуры религиозная вера развивала свои примитивные религиозные идеи из всюду одинаковых, производивших сильное впечатление переживаний: рождения, смерти, болезни, сна, безумия, и поэтому эти идеи всюду повторяются равномерно. Во всяком одушевленном теле живет второе «я» (душа, мыслимая и как множественность), которое покидает его на время, отделяется от него в смерти и в своем призрачном существовании способно на самые сложные воздействия. Вся природа оживлена духоподобными существами, воздействующими на человека, который может их расположить в свою пользу при помощи волшебства, жертвы, обрядов или молитв. Небо, солнце, созвездия – все это жилища божественных сил. Укажем еще только на один класс идей, присущий народам, находящимся на более низком уровне, а именно относящийся к происхождению людей и мира.

Эти примитивные идеи образуют основу религиозного мирозерцания. Они подвергаются преобразованиям, срастаются; вообще, всякое изменение в состоянии культуры влияет на ход этого развития. В рамках постепенного преобразования религиозности заключается решающий момент перехода к мирозерцанию в процессе изменения общения с невидимым. По ту сторону культа с его храмами, жертвоприношениями и церемониями возникает более свободное, эзотерическое отношение души к божественному. Религиозно-аристократический круг лиц вступает в это особое отношение к божеству, замыкается в своем кругу или открывает свободный доступ в него. Проявляется это новое отношение в мистериях, отшельничестве, явлении пророчества. В религиозном гении проявляется таинственная мощь личности, в силу которой она синтезирует в себе постижение мира, оценку жизни и воздействие на ее строй. Религиозный опыт и его отражение в представлениях как бы переходят в иное состояние сцепления. Отношения религиозных личностей к тем, которые находятся под их влиянием, при-

нимают иную, внутреннюю форму. Узнаются в опыте или испытываются не отдельные влияния, но вся совокупность души вступает в это внутреннее общение. Эти великие личности не стоят уже под властью непонятных, темных природных сил и уже не наслаждаются и не страдают от тайного сознания злоупотребления или фальсификации последних. В этом новом, более чистом отношении скрывается другая опасность: возвышенное мнение о себе, вытекающее из влияния на верующих и приобретающее благодаря общению с невидимым характер особой связи с ним. Но одна из наиболее значительных сил, порожденных этим новым отношением, заключалась в том, что оно при помощи внутреннего взаимодействия, в которое вступают между собою все моменты религиозного общения и все стороны его объекта, подготовляло единое мировоззрение. Везде, где условия допускали нормальное развитие, образовалось религиозное мирозерцание, независимо от того, много ли времени потребовало это изменение в общении с невидимым там, где оно началось, независимо также от того, какие были при этом пройдены ступени и были ли преданы забвению имена религиозных личностей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.